

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1889.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

стр. 29 « $\frac{1}{5}$ часть урожая которыхъ поступала въ казну подъ именемъ *xerâdja*», что на стр. 40 переведено «dont le cinquième de la récolte entrain dans le Trésor sous le nom de *khéradjâ*». Не менѣе извѣстный терминъ «*мирâбъ*» на стр. 225, 226, прим. переданъ черезъ «*mirzab*» и въ указателѣ стр. 267 даже предложена этимологія (*mirza*, *ab*). Затѣмъ русское я, даже тогда, когда оно выражаетъ только гласный звукъ, средній между *a* и *e*, весьма часто передается черезъ *ia*, напр. «*ziakèt*» (*зякѣтъ* подлинника), «*Mallia-bek*» (Малля бекъ), «*tillia*» (*tilléa*, *tille* = тилля) *kélian* (= келянь) и т. д. Но ю въ серединѣ слова напротивъ того, едва ли не всегда, передается черезъ *oi*, такъ что *тюбе* и *тюре* напр. пишутся «*doubè* и *tourèh*». Извиненіемъ тутъ впрочемъ можетъ служить далеко не однообразная орфографія и самого г. Налывкина ¹⁾.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя крупныя опечатки, не попавшія въ «Errata», а именно: Стр. 13 *Bouïanov* вм. Boudagov, стр. 53 *Ali-Saïd-khan* вм. Abou-Saïd-khan, стр. 68,1 *l'imân* вм. l'ichan, стр. 95 *Aftab-Amin* вм. Aftab-Aïm, стр. 128,4 сл. *Amin* вм. Aïm, стр. 229,2, указатель 267 *Makhlout* вм. Makhdout, стр. 136 *Mahmoud-Azami* вм. Makhdoum-Azami.

Безусловнаго одобренія и *подражанія* заслуживаетъ приложеніе карты и особенно указателя. Наши провинціальныя оріенталисты питаютъ какое-то непонятное отвращеніе къ составленію указателей, совершенно забывая громадную ихъ пользу и существенную ихъ необходимость.

В. Р.

97. A. Freiherr von Kremer. Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun Al-Rašid. Nach einer neu aufgefundenen Urkunde. Wien 1887. 18 p. 8° mit 3 Tafeln. (Отд. оттискъ изъ Verhandlungen des VII internationalen Orientalisten-Congresses).

98. A. Freiherr von Kremer. Ueber das Einnahmehudget des Abbassiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919). Mit 3 Tafeln. Wien 1887. 82 p. 4° (Отд. оттискъ изъ Denkschriften der Philos.-histor. Classe der Kaiserl. Akademie der Wissensch. Bd. XXXVI).

99. A. Freiherr von Kremer. Ueber die philosophischen Gedichte des Abul 'Alâ Ma'arry. Wien 1888. 108 p. 8°. (Отд. оттискъ изъ Sitzungsber. der kais. Akademie der Wissensch. in Wien. Philos.-hist. Cl. Bd. CXVII).

Едва-ли найдется среди оріенталистовъ, занимающихся мусульманскою исторіей и литературой, или среди неоріенталистовъ, занимающихся средне-

1) Но непонятно, почему *Ах-мечетъ* постоянно именуется у переводчика *Ах-Мечкѣхъ*, и *Афтобачи* — *Aftobachi*.

вѣковой исторіей, такой ученый, который сочиненію барона Кремера «Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen» не присудилъ бы одного изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между произведеніями исторической науки за вторую половину 19-го вѣка. Неориенталисту оно впервые—это можно сказать безъ преувеличенія—раскрыло условія жизни и организаціи халифской имперіи, ориенталисту оно дало сводъ множества, въ отдѣльности, быть можетъ, многимъ уже извѣстныхъ или по крайней мѣрѣ доступныхъ, фактовъ, настоящее значеніе которыхъ однакоже выяснилось только благодаря талантливому и широкому ихъ освѣщенію. Недостатки, присущіе всѣмъ подобнымъ работамъ, особенно когда онѣ посвящены столь мало разработаннымъ предметамъ, какова культурная исторія мусульманства, т. е. нѣкоторая отрывочность, иногда и случайность, матеріаловъ, нѣкоторая неотдѣляемость въ деталяхъ и т. п. ни коимъ образомъ не могутъ умалить капитальнаго значенія этихъ работъ, хотя бы уже потому, что они дѣйствительно незаменимы. Отъ этихъ недостатковъ не вполне свободно и твореніе бар. Кремера: они были своевременно указаны критикой и были конечно и безъ этихъ указаній хорошо извѣстны и самому автору. Монографическія изслѣдованія разныхъ, впервые затронутыхъ, или только бѣгло трактованныхъ въ подобныхъ сочиненіяхъ вопросовъ и предметовъ обыкновенно являются ближайшимъ слѣдствіемъ появленія этихъ крупныхъ трудовъ, и тѣмъ самымъ показываютъ силу и степень ихъ вліянія. Барону Кремеру выпала завидная доля самому еще трудиться надъ совершенствованіемъ и углубленіемъ своей «Культурной исторіи» въ цѣломъ рядѣ блестящихъ монографическихъ этюдовъ, болѣе или менѣе близко примыкающихъ къ ней. Въ новѣйшее время появились три поименованныя выше монографіи, на которыя мы желали бы обратить вниманіе читателей Записокъ В. О. Двѣ *первыя* посвящены финансамъ халифата при ар-Рашидѣ и ал-Муктадирѣ, *третья*—поэту-философу Абу-л-Алі.

Въ *первой* авторъ даетъ намъ текстъ, переводъ и объясненіе найденной имъ въ «исторіи везирей и сановниковъ»¹⁾ *ал-Джаһшійари* الجہشيارى смѣты доходовъ халифата (деньгами и натурою) временъ Гарун-ар-Рашида, составленной для везира Яхья-ибн-Халида Бармекида. Эту смѣту ал-Джаһшійари нашелъ въ лежавшемъ передъ нимъ автографѣ исторіи Аббасидовъ

1) كتاب الوزراء والکتاب. Эта книга Абу Абдаллах-Мухаммед-ибн-Абдѣс-ал-Джаһшійари, умершаго въ 331 г. г., до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна. Рукопись, которою пользуется бар. Кремеръ, принадлежитъ Вѣнской Восточной Академіи (k. k. orientalische Academie) и относится къ 6-му вѣку гижры. Сочиненіе содержитъ біографіи высшихъ сановниковъ халифата со времени учрежденія его до временъ автора. Везири Омейядовъ въ немъ трактуются коротко, но аббасидскіе съ большою подробностью.

Абу-л-Фадл-Мухаммед-ибн-Ахмед-ибн-Абд-ал-Хаміда, который въ свою очередь говорить, что онъ ее получилъ какъ выписку изъ документовъ податной канцеляріи, составленную Абу-л-Везир-Омар-ибн-Мутаррифомъ, отъ нѣкоего Абу-л-Касим-Джафар-ибн-Мухаммед-ибн-Хадаса.

Омар-ибн-Мутаррифъ, служившій четыремъ халифамъ подрядъ, ал-Мансуру, ал-Махдію, ал-һадію и ар-Рашиду, при которыхъ онъ занималъ должности управляющаго «диваномъ востока» и секретаря, упоминается уже въ *Фихристе*¹⁾ и былъ безъ сомнѣнія совершенно *au courant* всѣхъ финансовыхъ и административныхъ тайнъ халифата. Вотъ почему мы имѣемъ полное право довѣрять его показаніямъ. Въ добавокъ его достоверность еще подтверждается и сохранившейся въ нѣсколько сокращенной формѣ у персидскаго историка Вассэфа смѣтой доходовъ халифата за время ар-Рашида, впервые разобранной²⁾ и объясненной Кремеромъ тутъ же. Но важность этого, сохраненнаго намъ ал-Джаһшіаріемъ, документа увеличивается еще тѣмъ, что онъ косвенно подтверждаетъ достоверность другаго подобнаго-же документа, находящагося у Ибн-Халдуна и относящагося, по остроумнымъ соображеніямъ Кремера, не ко времени ал-Мамуна, какъ утверждаетъ Ибн-Халдунъ, а ко времени отъ 158-170, т. е. къ царствованію ал-Махдіа или ал-һадіа. Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь два документа несомнѣнно архивнаго происхожденія о доходахъ аббасидскаго халифата за время наибольшаго его процвѣтанія. Они до поры до времени единственны въ своемъ родѣ, ибо во время смутъ, вызванныхъ борьбой между ал-Амнинъ и ал-Мамуномъ, всѣ архивы Багдада погибли отъ пожара и правильная регистрація и счетоводство начались опять только съ 204 года. Текстъ ал-Джаһшіаріа, какъ уже было замѣчено, даетъ списокъ доходовъ, поступавшихъ въ казну отъ каждой провинціи, деньгами и натурой, при чемъ со всей Сиріи, Палестины, Египта, Йемена, Мекки и Медины сборы уплачивались золотой монетой, съ другихъ — серебряной. Курсъ динара въ самомъ документѣ опредѣляется въ 22 диргема. Общій доходъ въ деньгахъ равнялся 530,312,000 диргемамъ. Изъ нихъ 125,532,000 поступало золотомъ (5,706,000 динаровъ) — остальные 404,780,000 — серебромъ. Кромѣ того поступала масса мѣстныхъ продуктовъ натурой, цѣнность которыхъ была весьма значительна, но не поддается точному опредѣленію³⁾.

1) I, 127. Тутъ говорится собственно, что онъ былъ «кятибомъ» при ал-Мансурѣ и ал-Махдіѣ, и управлялъ диваномъ востока при ал-Махдіѣ, ал-һадіѣ и ар-Рашидѣ.

2) На нее указалъ еще Гамисеръ, но онъ не былъ въ состояніи объяснить цѣфры, писанныя почеркомъ *диовни*. Самому Кремеру это удалось только послѣ долгихъ трудовъ.

3) Тутъ мы встрѣчаемъ и. пр. разнаго рода матеріи, платки, фрукты, орѣхи, медъ, ковры, воскъ, сахаръ, животныхъ (слоновъ, муловъ, лошадей), птицъ, и рыбу. Кстати замѣ-

Текстъ ал-Джаһшіарія въ общемъ очень хорошъ. Нѣкоторыя ошибки въ отдѣльныхъ суммахъ, равно какъ и въ именахъ, весьма удачно исправлены Кремеромъ ¹⁾.

Гораздо больше затрудненій для изданія и объясненія представлялъ другой документъ, легшій въ основаніе *второго* изслѣдованія, разросшагося по этой причинѣ въ цѣлый мемуаръ. Этотъ документъ—смѣта доходовъ халифата за 306 (918/6) при халифѣ ал-Муктадирѣ—сохранился *только* у *Вассѣфа* (писалъ около 728 гг.). Трудность заключалась м. пр. въ томъ, что всѣ экземпляры, которые имѣлъ въ своемъ распоряженіи Кремеръ, писаны или почеркомъ *шикестэ*, или весьма курсивнымъ *та'ликомъ*, а цифры «канцелярскимъ» почеркомъ *дивани*, весьма неразборчивымъ и допускающимъ массу описокъ и ошибокъ. Упорнымъ трудомъ и остроумнѣйшими комбинаціями и сравненіями бар. Кремеру удалось дешифровать этотъ текстъ ²⁾ и возстановить большинство цифръ и именъ собств. съ правдоподобностью, близкой къ полной достовѣрности. Изслѣдуя время, къ которому относится эта смѣта, авторъ не могъ не интересоваться и тѣмъ государственнымъ мужемъ, который ее составилъ, т. е. везиремъ Али-ибн-Исой, и розыски матеріаловъ къ его біографіи увѣчались блестящимъ результатомъ: въ одной безъымянной гота'ской рукописи, указанной ему профессоромъ de Goeje, баронъ Кремеръ нашелъ богатѣйшій источникъ свѣдѣній для всего занимавшего его періода. Эта рукопись оказалась содержащей неполный экземпляръ историческаго сочиненія *كتاب العيون والأمان* *hišāla as-Cābiā* *حلال الصابی* † 448. *As-Cābi* въ этомъ ³⁾ сочиненіи имѣлъ намѣреніе дать жизнеописанія везирей аббасидскихъ и буидскихъ. Важность его заключается въ томъ, что оно въ значительной степени основывается

тимъ, что рыба значится только между поступлениями изъ Арменіи, именно: 10,000 ритлей «*marinarte Aalfische*», какъ переводитъ Кремеръ (р. 11). Въ текстѣ стоитъ *المالح المنبوذ ماهی*. Тутъ разумѣется безъ сомнѣнія та-же соленая рыба, о вывозѣ которой изъ Арменіи говорить всѣ арабскіе географы и поэтому слѣдуетъ, мнѣ кажется, въ *كتاب المنبوذ ماهی* *الشورماهی* или *السورماهی*. Рыба эта по сіе время известна подъ тѣмъ-же именемъ въ Закавказьи, какъ меня увѣрялъ нашъ лекторъ Джа'фаръ-Ханъ, и, по его описанію суди, это родъ селедки. Въ соленомъ только видѣ она называется *شورماهی*, въ несоленомъ будто бы носитъ названіе *دست بیج*.

1) Дополнительные поправки его-же, равно какъ и гг. Нѣльдеке и de Goeje см. въ Wiener Ztschr. f. d. Kunde d. Morgenl. III, 110 и сл.

2) Въ трудности этой задачи всякій можетъ убѣдиться, благодаря фотографическому воспроизведенію всего текста по лучшей и древнѣйшей рукописи (вѣнской), приложенному къ изслѣдованію.

3) О другомъ его сочиненіи, дѣлится за 363—447 (973—1055) г. г., см. Зависки В. О. II, 273.

на современныхъ актахъ и документахъ, къ которымъ авторъ, всю жизнь вращавшійся въ чиновныхъ сферахъ, имѣлъ свободный доступъ, и на разсказахъ современниковъ-очевидцевъ. Цѣнность этого сочиненія весьма наглядно иллюстрируется приложенными къ изслѣдованію извлеченіямъ изъ него ¹⁾.

Вооруженный такими совершенно новыми матеріалами и искусно воспользовавшись данными, разбросанными въ уже изданныхъ арабскихъ историкахъ и географахъ, бар. Кремеръ сумѣлъ нарисовать живую картину экономическаго состоянія халифата время ал-Муктадирѣ, на фонѣ которой рельефно выступаетъ симпатичная фигура везира *Али-ибн-Исы*, одного изъ даровитѣйшихъ и честнѣйшихъ государственныхъ мужей мусульманскаго востока.

Весь мемуаръ распадается на три главы: ²⁾ *первая* (стр. 6—25) озаглавлена: экономическое и политическое положеніе при ал-Муктадирѣ, *вторая* (стр. 25—47): бюджетъ доходовъ за 306 годъ, *третья* (стр. 47—64): Али-ибн-Иса какъ государственный мужъ. Всѣ три главы представляютъ одинаковый интересъ и такъ богаты содержаніемъ, что очень трудно въ короткихъ словахъ передать ихъ сущность. Мы усердно рекомендуемъ нашимъ оріенталистамъ и историкамъ чтеніе замѣчательнаго труда бар. Кремера, а въ свою очередь ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ его положеній и результатовъ, нисколько не претендуя на сколько-нибудь полное резюмирование всего сочиненія.

Авторъ прежде всего говоритъ о колебаніяхъ курса серебра, которыя привели во второй половинѣ 3-го ³⁾ вѣка къ принятію золотой валюты. Эти колебанія были дѣйствительно весьма чувствительны: первоначально динаръ равнялся 10 диргемамъ, и этотъ курсъ законовѣдами удерживался упорно при ихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. При ар-Рашидѣ динаръ въ публикѣ ходилъ по 20 дирг., а въ правительственныхъ кассахъ считался за 22 диргема. При ал-Мутаваккилѣ цѣна серебра понизилась еще больше, такъ что за динаръ давали 25 диргемовъ. Во время Кодамы (около 283—896) серебро было дороже: динаръ равнялся 15 диргемамъ, а при ал-Муктадирѣ опять установился курсъ 1 : 20, который повидимому держался довольно долго.

Далѣе говорится ⁴⁾ о громадномъ скопленіи въ столицѣ халифата золота и серебра, которое весьма наглядно обрисовывается между прочимъ

1) Text Beilage I—IX.

2) Предпосылается нѣтъ замѣчаніе о самомъ сочиненіи ас-Сабіа.

3) Стр. 6—8.

4) Стр. 9—10.

въ колоссальности цифръ «начетовъ» ¹⁾ (*musâdara*, مصادرة), которымъ подвергались отставляемые министры и другіе сановники, а нерѣдко и просто слишкомъ разбогатѣвшіе капиталисты. Эти «начеты» доходили до сотенъ тысячъ и миллионовъ ²⁾ и — характерная особенность — налагались динарами. *Musâdara* собственно означаетъ соглашеніе, въ силу котораго кто нибудь въ замѣнъ единовременной уплаты извѣстной суммы, освобождается отъ всякой другой отвѣтственности и отъ всѣхъ другихъ денежныхъ обязательствъ ³⁾.

Будучи первоначально въ сущности совершенно справедливой мѣрой наказанія за взяточничество, грабежъ и другіе подобныя поступки сановниковъ и везирей, *musâdara* весьма быстро превратилась въ своеобразный, но вѣрный способъ спасенія казны отъ постоянныхъ дефицитовъ. Высшіе сановники, военачальники, придворные чины и временщики, верховные кадїи и пр. и пр. не стѣсняясь обогащали себя всякими законными и незаконными средствами и вотъ эти-то большею частью кривдой пріобрѣтенныя богатства верховная власть отъ времени до времени отнимала у нихъ при помощи и подъ предлогомъ *musâdary*. Ничего позорящаго подобное наказаніе въ себѣ не заключало, ни въ глазахъ общества, ни во мнѣніи правительства. Подвергшійся *musâdarъ* чиновникъ не лишился шансовъ со временемъ опять попасть въ милость и бывали и такія примѣры, что такого чиновника немедленно по уплатѣ *musâdary* назначали опять на прежнее мѣсто. Рядомъ съ чиновниками однако такія конфискаціи имущества постигали и вообще всѣхъ лицъ, обладающихъ большими капиталами ⁴⁾. Нельзя отрицать, говорить бар. Кремеръ ⁵⁾, что этотъ пріемъ правительства для массы народа былъ выгоднѣе, чѣмъ напр. повышеніе налоговъ и другія мѣры, падающія всей тяжестью на бѣдные классы, но съ другой стороны развращающее вліяніе этого ничѣмъ не ограниченного произвола и сознаніе полной имущественной необезпеченности должно было имѣть весьма плачевные результаты. Находясь постоянно въ опасности быть ограбленными властями, всѣ, конечно, старались о пріобрѣтеніи возможно большаго имущества, чтобы, въ случаѣ *musâdary*, быть въ состояніи уплатить ее, послѣ чего можно

1) Ср. также интересную опись имуществу, оставленному ар-Расибіемъ † въ 301 г., которую сохранили намъ Якутъ, II, 617 sq.

2) Ср. стр. 55, прим. 3, гдѣ изъ ас-Сабїа приводится указаніе, что за одинъ только разъ отъ 44 лицъ взыскано было 8 слишкомъ миллионѣвъ динаровъ, въ томъ числѣ отъ одного лица 2,300,000.

3) См. de Goeje въ Wiener Ztschr. f. d. K. d. Morgenl. II, 72—73.

4) Стр. 11.

5) *Musâdary* умножились до того, что было даже сочтено нужнымъ учредить особый диванъ (канцелярію) для этихъ дѣлъ. Ср. de Goeje, l. c. и Кремеръ 55, прим. 3.

было разсчитывать быть оставленнымъ въ покоѣ на нѣкоторое время или на всегда. И такъ какъ серебро, золото и драгоценные камни легче всего отнимались, то всякій, имѣвшій къ тому возможность по своему положенію, приобреталъ земли. Земельная собственность представляла большія выгоды, сравнительно съ движимостями. Мусульманское законодательство вообще въ теоріи благопріятствуетъ земельной собственности: налогъ сравнительно не великъ, продажа за невзносъ ихъ закономъ не предусмѣтрѣна, и поэтому при нормальныхъ условіяхъ проходила очень рѣдко, конфискація въ теоріи не допускается ¹⁾. Мелкій собственникъ, понятно, этихъ выгодныхъ сторонъ не замѣчалъ: для него онѣ не существовали, онъ былъ совершенно въ рукахъ мѣстной администраціи, которая его грабила нещадно, обогащаясь безнаказанно на его счетъ. Но крупный собственникъ, съ большими или меньшими связями при дворѣ или въ вліятельныхъ военныхъ и чиновныхъ сферахъ, всегда могъ разсчитывать на нихъ, и чѣмъ слабѣ становилась центральная власть халифа, тѣмъ эти выгоды были больше. Благодаря этому стремленію къ приобретению большихъ пространствъ земли образовалось множество крупныхъ помѣстьевъ, латифундій ضیعة, мн. ضیاع, и число мелкихъ собственниковъ сокращалось все болѣе и болѣе: они превращались въ фермеровъ или простыхъ рабочихъ, батраковъ, или уходили въ большіе города, усиливая городской пролетаріатъ. Безправность и необеспеченность мелкихъ владѣльцевъ доходила до того, что они иногда свои земли какъ бы переписывали на имя какого нибудь вельможи, по взаимному съ нимъ договору, чѣмъ достигалось значительное пониженіе податей и повинностей, ибо власть имущіе классы заботились о томъ, чтобы съ ихъ крупныхъ земельныхъ владѣній поземельная подать взималась не только безъ переборовъ, но и въ меньшихъ размѣрахъ противъ законной нормы. Въмѣстѣ съ тѣмъ они, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, не особенно и торопились взносомъ ихъ, и въ большинствѣ случаевъ это имъ сходило благополучно съ рукъ, до перемены ихъ высокопоставленныхъ покровителей въ столицѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они отдѣлывались единовременнымъ крупнымъ взносомъ, всё-же значительно уступавшимъ дѣйствительной цѣнности ихъ владѣній. Подобныя незаконныя привилегіи въ податномъ отношеніи должны были, конечно, весьма невыгодно отражаться на доходахъ казны, и чѣмъ больше было число такихъ привилегированныхъ земель, тѣмъ чувствительнѣе долженъ былъ быть недоборъ. — Руководствуясь указаніями смѣты ²⁾

1) Стр. 12.

2) Съ большой пользой можно было бы тутъ присоединить и интересныя замѣтки Якута IV, 849—50.

за 306 г., бар. Кремеръ устанавливаетъ слѣдующія категоріи земельной собственности:

Вопервыхъ, частныя владѣнія халифа; доходы съ нихъ поступали въ собственную его халифскаго величества казну.

Вовторыхъ, такъ называемыя аббасидскія имѣнія *العباسية*. Они, какъ кажется, были первоначально общимъ достояніемъ аббасидскаго рода, но со временемъ управленіе ими перешло въ руки правительства, т. е. даннаго халифа, а доходы съ нихъ въ его частную казну, такъ что весьма многочисленному аббасидскому потомству доставалась только жалкая казенная субсидія. Такъ мы находимъ извѣстіе, что всѣ потомки халифа ал-Мутаваккія получали вмѣстѣ 33½ динара въ мѣсяцъ, халифовъ ал-Васика, ал-Муһтадія, ал-Мустаійна — всѣ вмѣстѣ 16⅔ динара. При халифѣ ал-Му'таидѣ всякій Аббасидъ или Талибидъ получалъ ежемѣсячно одинъ динаръ, но уже его преемникъ, ал-Му'таидъ, понизилъ эту плату до ¼ динара. И не мудрено: число ихъ въ одной только столицѣ доходило до 4000 человекъ ¹⁾.

Втретьихъ — такъ называемыя *мустахдаса المستخرثة*, вновь обработанныя земли, новыя.

Вчетвертыхъ — крупныя помѣстья, въ противоположность мелкимъ земельнымъ участкамъ и *опятихъ* — земли подлежащія общимъ постановленіямъ о хараджѣ.

Первыя четыре категоріи пользовались безъ сомнѣнія извѣстными привилегіями. Но кромѣ нихъ по всей вѣроятности ими пользовались еще и земли, завѣщанныя въ пользу богоугодныхъ учреждений, т. е. такъ называемые *вакфы* или вакуфныя владѣнія. Они также чрезвычайно размножились, такъ какъ часто вакфы устраивались фиктивные для обезпеченія плущества отъ конфискацій. И наконецъ существовали еще чисто мѣстныя исключительныя привилегіи въ уплатѣ поземельнаго налога. Такъ напр. главнокомандующій, евнухъ Мунисъ, даровалъ провинціямъ Фарясу и Кирману разныя льготы. Если существованіе привилегированныхъ въ податномъ отношеніи земель должно было значительно сократить доходы казны, то паденію вообще благосостоянія содѣйствовали еще и другія причины. Изъ нихъ можно указать напр. на пониженіе доходности образовавшихся, какъ мы видѣли, въ большемъ числѣ латифундій — которыя наемными рабочими обрабатывались вообще гораздо хуже, чѣмъ это дѣлалось мелкими собственниками для ихъ участковъ — на систему отдачи поземельнаго сбора цѣлыхъ округовъ и провинцій на откупъ, причемъ откупщики буквально высасывали плательщиковъ, и на обычай, вкоренившійся окончательно

1) Стр. 13.

при преемникѣ ал-Муктадвѣ, но по всей вѣроятности существовавшій также и при немъ, платитъ престоіанцамъ жалованье не деньгами, а землей, т. е. раздавать имъ въ собственность деревни и земли соразмѣрно задержанному жалованью. Земли, попавшія въ руки простыхъ солдатъ, приходили въ упадокъ, потому что солдаты не заботились о поддержаніи дорогъ и каналовъ и притѣсняли крестьянъ; земли-же, доставшіяся начальникамъ, процвѣтали до извѣстной степени, но съ нихъ не поступали подати, или поступали въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Совершенно вѣтшей причиной уменьшенія доходовъ халифата наконецъ является отпаденіе многихъ провинцій и переходъ ихъ или во власть совершенно независимыхъ династовъ, или-же такихъ, которые, признавая верховную власть халифа, платили только опредѣленные суммы въ видѣ дани или ежегодно посылаемыхъ подарковъ, причемъ суммы послѣднихъ разумѣется были несравненно ниже дѣйствительныхъ доходовъ съ этихъ провинцій. Въ бюджетѣ доходовъ за 306 годъ совершенно уже не фигурируютъ больше отложившіеся окончательно: Седжестанъ, Мокранъ, Синдъ, Хорасанъ, Бахрейнъ, Недждъ, Тибама, Йемень, Барка, Ифрикія, а Оманъ, Азербейджанъ и Армения являются уже въ качествѣ полунезависимыхъ странъ.

Если при такомъ положеніи дѣла, халифатъ все таки еще не совсѣмъ погибалъ, и по временамъ даже и одерживалъ нѣкоторые успѣхи, иногда какъ будто опять оживалъ, то этимъ онъ обязанъ былъ, кромѣ силъ инерціи, главнымъ образомъ цѣлой фалангѣ искусныхъ, энергичныхъ, талантливыхъ и—въ извѣстныхъ предѣлахъ—честныхъ финансистовъ и администраторовъ, значеніе которыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Кремеръ, до сихъ поръ не было оцѣнено по достоинству. Между ними можетъ быть самое выдающееся мѣсто принадлежитъ *Али-ибн-Исъ*, который въ теченіи семидесяти лѣтъ ¹⁾ посвящалъ свои силы служенію государству въ весьма разнообразныхъ должностяхъ.

Въ 306 г. послѣ паденія везира Ибн-ал-Фурата везиремъ былъ назначенъ, благодаря дворцовымъ интригамъ, совершенно неспособный Васитскій откупщикъ Хамид-ибн-Аббасъ, къ которому поэтому вынуждены были приставить въ качествѣ замѣстителя нашего Али-ибн-Ису, который сохранилъ свою должность до 311 г. и фактически управлялъ всѣми дѣлами.

Ибн-ал-Фуратъ палъ благодаря тому обстоятельству, что у него не хватило 200,000 динаровъ на уплату жалованья войскамъ; онъ обратился къ халифу съ просьбой уплатить эту сумму изъ частной халифской казны.

1) См. приводимый ниже текстъ изъ ал-Айнѣ.

Халифъ за это страшно разсердился и уволилъ смѣлаго везира. Заступившій его мѣсто Хамид-ибн-Аббасъ, или собственно Алп-ибн-Иса, прежде всего прибѣгъ, конечно, для удовлетворенія первой потребности въ деньгахъ къ обычному средству, т. е. къ *мусадаръ*, которой были подвергнуты бывшій везиръ и его клеветы. Но затѣмъ Алп-ибн-Иса уже пожелалъ имѣть ясное представленіе о настоящемъ положеніи финансовъ и съ этой-то цѣлью составилъ смѣту доходовъ и расходовъ, т. е. бюджетъ. Основаніемъ для вычисленія доходовъ служили, по нѣкоторымъ указаніямъ, отчеты о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ въ 303 году, потому вѣроятно, что только за этотъ годъ отчеты были вполнѣ закончены ¹⁾, или-же потому, что этотъ годъ былъ послѣднимъ полнымъ годомъ его собственнаго перваго везирства. Вотъ объ этомъ-то бюджетѣ 306 года мусульманскіе историки сохранили намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, а именно:

Персидскій историкъ *Вассэфъ* даетъ намъ весь бюджетъ доходовъ съ довольно большими подробностями. Онъ имѣлъ предъ собою очевидно также и бюджетъ расходовъ, ибо онъ самъ заявляетъ, что онъ его не приводитъ краткости ради и по тому еще, что это не входитъ въ планъ его книги. *Вассэфъ* своего источника не называетъ. Само собою разумѣется, что, проходя черезъ руки цѣлаго ряда переписчиковъ, этотъ длинный рядъ именъ собственныхъ, цифръ и техническихъ выраженій, долженъ былъ подвергнуться весьма значительной порчѣ.

Вторая глава мемуара бар. Кремера даетъ транскрипцію текста *Вассэфа* съ переводомъ и объясненіями. Это была самая трудная часть работы; она исполнена мастерски: множество оппсокъ и ошибокъ исправлены безусловно удачно, съ объясненіемъ ихъ происхожденія. Остались также и мѣста, не поддававшіеся раціональному исправленію: новые матеріалы со временемъ, быть можетъ, помогутъ. — Общая цифра дохода у *Вассэфа* показана въ 14,529,286 динаровъ. Сложеніе цифръ отдѣльныхъ статей, у него-же, послѣ поправокъ Кремера, составляетъ 14,501,904 динара.

Другой авторъ, который намъ даетъ нѣкоторыя данныя о бюджетѣ 306 года — *ал-Айни*, авторъ большой исторической компіляціи, составленной въ первой половинѣ 9-го вѣка гіджры. Онъ ссылается въ данномъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ ²⁾, на сочиненіе *عنوان السیر*, которое, какъ совершенно правильно замѣтилъ Кремеръ (стр. 23, прим. 3), безъ сомнѣнія тождественно съ *سیر عیون* упомянутымъ у Ибн-Халликана и принадлежащимъ перу *ал-хамаданія* († 521). У Хаджи Хальфы приводятся оба заглавія, см. Н. Сн.

1) Такъ полагаетъ Кремеръ.

2) См. напр. т. I, л. 768^b, 790^a, 797^a, 798, 803^a, 808^b и т. д.

IV, 272 и 291. Ал-хамадани, по всемъ признакамъ, могъ пользоваться отличными и современными источниками. Ал-Айни, по обычаю компиляторовъ, даетъ очевидно только отрывокъ изъ ал-хамадани, но и этотъ отрывокъ тѣмъ для насъ драгоценнѣе, что онъ намъ сообщаетъ не только общую сумму *доходовъ*, но также и размѣры *дефицита*, что намъ позволяетъ опредѣлить общую цифру *расходовъ*. Ал-Айни даетъ намъ также и нѣкоторую часть бюджета расходовъ. Доходъ у него показанъ въ 14,829,188 динаровъ, дефицитъ въ 2,089,894 динара, такъ что общая пыфра расходовъ равнялась 16, 919,082 динарамъ. Отдѣльныя статьи расхода, указанныя ал-Айниемъ, доходять лишь до 927,292½ динара.

Самыя важныя статьи расхода, какъ напр. расходы на войска и дворъ халифа къ сожалѣнiю не приведены.

При сравненiи цифръ поступленiй съ отдѣльныхъ округовъ при ал-Муктадирѣ съ цифрами, которыя даетъ Кодѣма (см. Кремера, *Culturgesch.* I, 360—69) за 204 годъ г., оказывается вездѣ почти значительный недостатокъ. Особенно ощутителенъ этотъ недостатокъ въ Савадѣ, главной провинции халифата, для которой и указанiя даются самыя подробныя. Оказывается, что весь Савадъ въ 204 г., по Кодѣмѣ, давалъ 109½ милiона диргемовъ (= 5½ милл. динар.), а въ 303 — лишь 1½ милiона динаровъ.

Для Сирiи результаты сравненiя напротивъ нѣсколько выгоднѣе; есть какъ будто въ 303 году даже увеличенiе, какъ видно изъ слѣдующей таблицы поступленiй съ сирiйскихъ областей:

	204 г.	303 г.
Киинасринъ и Авасимъ	360,000 динар.	485,667
Химсъ	118,000 ¹⁾ »	315,574
Дамаскъ	120,000 »	428,357
Ордонъ	109,000 »	142,522
Фалестинъ	195,000 »	311,397

Но это увеличенiе только кажущееся. Въ Сирiи и въ Месопотамiи цифры поступленiй слагаются изъ двухъ суммъ, при первой изъ которыхъ показано: деньги. Она означаетъ сумму сбора, поступавшаго деньгами. Другая — даетъ цѣнность въ деньгахъ сборовъ натурой; при этомъ послѣдняя значительно превышаетъ первую. Цифры-же Кодѣмы такъ низки, что по необходимости заставляютъ предположить, что у него просто пропущены указанiя цѣнности поступленiй натурой. Признавая-же цифры Кодѣмы только за цифры сборовъ деньгами и принимая только эти цифры нашего

1) Эта цифра нѣсколько сомнительна. См. замѣчанiя Кремера, стр. 40.

бюджета мы получимъ слѣдующую картину: Киннасинъ и Авасимъ въ 204 году 360 тыс. дин., по Вассâфу въ 303 — 133 тысячи ¹⁾.

	204 г.	303 г.
Дамаскъ	120	113
Ордошъ	109	40
Фалестинъ	195	80

Цѣнность сборовъ натурой могла впрочемъ быть нѣсколько выше въ 303 г., ибо цѣна главныхъ продуктовъ значительно поднялась, но произвѣдилось ихъ едва ли болѣе чѣмъ прежде.

Дефицитъ 306 года, какъ и составленіе бюджета за 306 не были явленіями чрезвычайными. Дефициты давно уже стали обычными, а примѣры составленія полныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ мы за время царствованія ал-Муктадира находимъ уже нѣсколькими годами ранѣе, именно въ 301, и опять таки позаботился объ этомъ *Али-ибн-Иса*, когда онъ первый разъ былъ назначенъ везиремъ. Этотъ приемъ конечно дѣластъ ему не мало чести, но мы еще больше одѣнимъ его, если мы нѣсколько ближе познакомимся съ его жизнью и дѣятельностью, которымъ и посвящена *третья* глава мемуара бар. Кремера, стр. 47—64.

Не уступая предъидущимъ главамъ въ интересѣ, она кое гдѣ можетъ быть дополнена по *Фихрису* и *ал-Айню* и еще болѣе выиграла бы, если бы авторъ вставилъ въ нее прямо переводы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ, текстъ которыхъ онъ печатаетъ въ «приложеніяхъ».

Али-ибн-Иса-ибн-Давуд-ибн-ал-Джеррахъ, Абу-л-Хасанъ, родился въ 245 г. гіджры. Родъ его — происхожденія персидскаго ²⁾. Уже дѣдъ его, Давудъ, принадлежалъ къ чиновной знати, будучи *кятибомъ* халифа ал-Муста'йна и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ извѣстенъ и литературными наклонностями. Онъ оставилъ лѣтопись и книгу «посланій» ³⁾, т. е. письмовникъ. Сыновья его, Мухаммедъ и Иса, пошли по той же дорогѣ и тоже занимали высокіе посты. Специально о первомъ, Мухаммедѣ, извѣстно, что онъ въ 286 г. былъ назначенъ начальникомъ «дивана восточныхъ провинцій». О второмъ, т. е. Исѣ, отцѣ нашего Али, мы находимъ только замѣчаніе, что онъ былъ изъ числа важнѣйшихъ *кятибовъ*. Не удивительно послѣ этого,

1) Я отбрасываю сотни и пр. — Относительно Химса есть путаница въ цифрахъ, такъ что нужно ихъ оставить безъ вниманія при сравненіи.

2) Ал-Айнъ, т. II, л. 12^b.

3) *Фихристъ* I, 128. Литературныя занятія въ тѣ времена были въ большой модѣ у сановниковъ, чему способствовало въ большой мѣрѣ установившееся правило, что всѣ правительственные акты и документы должны были писаться самымъ изысканнымъ и отдѣланнымъ языкомъ.

что и сыновья его, Али и Абд-ар-Рахманъ, послѣдовали примѣру своихъ предковъ. Оба они поступили на службу и оба весьма усердно занимались также и наукой и литературой. При своихъ связяхъ они, разумѣется, поднимались быстро и на этотъ разъ чиновный nepотизмъ принесъ дѣлу не вредъ, а величайшую пользу. Али въ 286 г., когда его дядя получилъ должность начальника дивана востока, былъ назначенъ начальникомъ дивана запада. Дядя и племянникъ вѣроятно сохраняли свои должности вплоть до 295 года, когда мы обомъ находимъ среди 5 высшихъ сановниковъ, рѣшавшихъ вопросъ о престолонаслѣдіи. По настоянію Ибн-ал-Фурата на халифскій престолъ былъ посаженъ 13 лѣтній тогда ал-Муктадиръ. Мухаммедъ стоялъ за 30 лѣтняго принца-поэта Ибн-ал-Му'тазза, а нашъ Али заявилъ, что слѣдуетъ избрать наиболѣе религіознаго и способнаго кандидата. Уже въ слѣдующемъ году однакоже составилъ заговоръ для возведенія Ибн-ал-Му'тазза, который былъ настоящимъ «халифомъ на часъ», процарствовалъ ровно одинъ день. Мухаммедъ, который рѣшился стать везиремъ претендента, успѣлъ увлечь и своего племянника, и когда заговоръ потерпѣлъ фiasco, оба они пострадали. Дядя былъ убитъ ²⁾, а племянникъ сосланъ въ Баситъ, и оттуда впоследствии отпущенъ въ Мекку.

Такимъ образомъ начало новаго, послѣ смерти Ибн-ал-Му'тазза вполне установившагося, правленія ал-Муктадира ничего хорошаго не обѣщало въ будущемъ нашему Алію, но это такъ только казалось. На самомъ дѣлѣ именно въ правленіе ал-Муктадира Али-ибн-Иса имѣлъ возможность проявлять свои способности и знанія съ наибольшимъ успѣхомъ. Это объясняется частью его репутаціей опытнѣйшаго и усерднѣйшаго администратора, которую въ значительной степени признавали и его враги, — частью вліяніемъ его лучшаго друга и покровителя, весьма могущественнаго въ то время главнокомандующаго войсками, евнуха Муниса, который, совершенно правильно оцѣнивъ солидные качества Алія, не разъ совѣтовалъ халифу призвать его къ управленію. Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями судьбы Алія: ограничимся указаніями, что онъ два раза, съ 300—304 и 315—316 былъ везиремъ, съ 306—311 въ качествѣ товарища везира, *фактически*, за полной неспособностью послѣдняго, управлялъ всѣми дѣлами, съ 313—315 состоялъ чѣмъ-то въ родѣ главнаго инспектора или контролера Сиріи и Египта, въ 318 опять, при ничтожномъ везирѣ, управлялъ фактически всѣми дѣлами. При халифѣ ал-Кâhirѣ (320—322) онъ управлялъ нѣкоторыми округами Савâда. При ар-Рâдіѣ онъ, не смотря на на-

1) Ал-Айни, I. с.

2) Стр. 49; ср. Финъристъ I, 128. По Ибн-ал-Атиру VIII, 43 онъ умеръ нѣсколько позже своей смертию.

стоятельныя просьбы халифа, отказался отъ везирства, но при ал-Муттакиѣ въ 329 принялъ должность *النظري المظالم*, соответствующую въ нѣкоторой степени бывшей нашей Коммиссія Прощеній. Халифъ хотѣлъ его также сдѣлать везиремъ вмѣстѣ съ его братомъ, Абдеррахманомъ, но оба они согласились только на временное завѣдываніе дѣлами. Въ 331 году, по случаю прибытія греческаго посольства, требовавшего выдачи Эдесскаго нерукотворнаго образа Спаса, выдача была рѣшена по совѣту Алія ¹⁾. Въ 334 году онъ умеръ 89 лѣтъ отъ роду.

Объ его благородномъ характерѣ, его благочестіи, незлобivosti ²⁾, усердіи въ служеніи истиннымъ интересамъ государства, неутомимомъ трудолюбіи, арабскіе писатели отзываются единогласно съ большими похвалами. Онъ не былъ, далѣе, ни честолюбивъ, ни корыстолюбивъ. Онъ представлялъ рѣдкій примѣръ восточнаго везира нисколько не дорожащаго властью: онъ не разъ самъ подавалъ въ отставку или отказывался отъ власти, когда ему предлагали ее. Интриговать для ея полученія—совершенно не входило въ его программу. Мы не знаемъ ни объ одномъ случаѣ, когда онъ добивался какого-либо назначенія: всегда *его ищутъ, его вызываютъ* для поправленія разстроенныхъ дѣлъ и онъ по мѣрѣ возможности возстановляетъ порядокъ.

Въ тѣ времена это была задача чрезвычайно трудная. Слабохарактерный, расточительный до безумія халифъ, честолюбивая и алчная старуха-мать халифа, вліятельныя начальницы гарема, вѣчно недовольныя своимъ жалованьемъ орды преторіанцевъ, своевольные вельможи, соперники и завистники изъ чиновной братіи—вотъ въ какой сферѣ приходилось ему дѣйствовать. Прибавьте ко всему этому общее, весьма пошатнувшееся положеніе халифата, окруженнаго врагами, и вы признаете, что не терять головы въ этомъ хаосѣ, не унывать, а бороться, неотступно стремиться къ улучшенію, могъ только человекъ съ дѣйствительно крѣпкой головой, съ твердыми убѣжденіями и желѣзною волей. Такимъ былъ Али-ибн-Иса въ полной мѣрѣ. Онъ, правда, иногда долженъ былъ дѣлать уступки власти имущимъ, но въ общемъ онъ строго держался началъ справедливости и законности. Онъ особенно отличался въ искусствѣ «подтягивать» своихъ подчиненныхъ, неотступно слѣдя за всѣми ихъ продѣлками, тщательно проверяя ихъ отчеты и доведенія, внимательно выслушивая жалобы, на нихъ приносимыя, и карая и порицая ихъ, когда онъ эти жалобы находилъ основательными. Замѣ-

1) См. объ этомъ дѣлѣ мою книгу: Императоръ Василій Боггаробойца, Спб. 1883, стр. 394—96.

2) Онъ никогда не преслѣдовалъ, какъ это часто дѣлали тогда, ни приверженцевъ и родственниковъ своихъ предшественниковъ по должности, ни лицъ интриговавшихъ противъ него.

чительно при томъ, что онъ, выставляя такимъ провинившимся въ притѣсненіи податнаго сословія чиновникамъ на видъ всю неблаговидность и грѣховность ихъ поступковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и указываетъ имъ на то, что подобный образъ дѣйствія неминуемо ведетъ къ паденію земледѣлія и тѣмъ самымъ опять къ пониженію государственныхъ доходовъ ¹⁾. Примеромъ его добросовѣстнаго отношенія къ жалобамъ на несправедливые поборы можетъ служить отмѣна въ провинціи Фарисѣ такъ называемаго «дополнительнаго сбора» ²⁾.

Въ этой провинціи, которая въ самомъ началѣ халифата ал-Муктадиръ была вырвана изъ рукъ Саффаридовъ и возвращена багдадскому правительству, существовалъ такъ называемый «дополнительный сборъ», который укоренился тамъ слѣдующимъ образомъ: когда Саффариды завладѣли этой областью, многіе землевладѣльцы выселились. Во избѣжаніе уменьшенія поземельнаго сбора вслѣдствіе этого выселенія тогда придумали сумму, поступавшую съ земель эмигрантовъ, разложить на земли оставшихся ³⁾. И вотъ, этотъ-то дополнительный *хараджъ* продолжали взимать и тогда, когда провинція вернулась подъ власть халифата. Вскорѣ по вступленіи въ должность везиря Али-ибн-Исы, прибыла депутація въ столицу, чтобы ходатайствовать о сложеніи этого сбора. Везиръ приказалъ разслѣдовать дѣло, совѣтовался съ законовѣдами, и согласно *фетвѣ* послѣднихъ, отмѣнилъ ненавистный сборъ. Эта отмѣна должна была обойтись казнѣ въ миллионъ диргемовъ. Но Али-ибн-Иса взявъ его, опять-таки въ согласіи съ законовѣдами, ввелъ вполне справедливый налогъ на фруктовые сады и назначенный имъ чиновникъ такъ искусно сдѣлалъ свое дѣло, что сумма этого сбора почти вполне вознаградила казну за ея потерю на поземельной подати.

При взысканіи налоговъ Али-ибн-Иса допускалъ какъ крайнее средство только арестъ должника, и когда одинъ изъ его подчиненныхъ обратился къ нему съ просьбой разрѣшить ему тѣлесныя наказанія упрямыхъ крестьянъ, онъ ему прямо отвѣтилъ: «хараджъ—долгъ, при взысканіи котораго слѣдуетъ примѣнять только арестъ, и не смѣй выходить изъ этихъ предѣловъ».

При его управленіи такимъ образомъ существовала въ значительной степени имущественная безопасность и для маленькихъ людей. Не удивительно поэтому, что земледѣліе при немъ опять дѣлало успѣхи, количество

1) См. стр. 81 и приложение IX.

2) Стр. 62; ср. текстъ стр. 74—76.

3) Это было такимъ образомъ нечто подобное византійскому ἀλλοτρίων, введенному Василиемъ II. Ср. Импер. Василій Болгаробойца. Спб. 1883, стр. 384, прим. 413.

обрабатываемыхъ земель увеличивалось и подати поступали въ возвысившемся размѣрѣ.

Съ другой стороны онъ по мѣрѣ возможности старался содѣйствовать сокращенію расходовъ, что, разумѣется, представляло особенно большія затрудненія, такъ какъ приходилось считаться съ массой разнообразѣйшихъ личныхъ интересовъ, и если онъ не могъ держаться очень долго во главѣ управленія, то главной причиною безспорно было именно нарушеніе имъ этихъ интересовъ.

Онъ значительно сокращалъ жалованье разной придворной челяди, провѣрялъ наличный составъ войскъ и преторіанцевъ по спискамъ и вычеркивалъ изъ послѣднихъ всѣхъ неспособныхъ къ службѣ, равно какъ и солдатскихъ дѣтей, которые тоже значились въ нихъ; онъ ограничивалъ подарки, которые въ праздники лавались всему придворному штату, и противился всякой попыткѣ преторіанцевъ добиться возвышенія жалованья, но онъ за то старался всегда уплачивать всѣмъ то, что имъ слѣдовало, безъ задержки, и этой аккуратностью вознаграждать ихъ за вычеты. Когда не смотря на всѣ старанія у него денегъ не хватало, онъ, первый, какъ кажется ¹⁾, прибѣгалъ къ краткосрочнымъ займамъ подъ залогъ имѣющихъ поступить изъ провинцій платежей. Ссужали его деньгами еврейскіе мѣнялы Юсуфъ-ибнъ-Финхасъ и Аронъ, сынъ Амрана, и онъ платилъ имъ, по расчету Кремера, 30% годовыхъ.

Въ своей жизни и привычкахъ, въ одеждѣ и манерѣ держаться онъ почти ничѣмъ не отличался отъ среднихъ образованныхъ классовъ. Онъ мѣстами даже какъ будто щеголялъ взысканной простотой, и въ столпцу Египта напр. вѣзжалъ, когда онъ туда прибылъ для ревизіи, верхомъ на ослѣ съ *тайлесаномъ* на головѣ, тѣмъ самымъ подчеркивая свою принадлежность къ сословію законовѣдовъ. Вообще, во всей его дѣятельности замѣтно стремленіе насколько *возможно* сообразоваться съ *теоріей* мусульманскаго государственнаго права, стремленіе къ осуществленію въ жизни выработанныхъ въ юридическихъ школахъ правовыхъ понятій. Въ мусульманскомъ обществѣ и государствѣ полное осуществленіе этого идеала еще менѣе мыслимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, ибо мусульманское законовѣдѣніе, покуда оно относится къ вопросамъ государственнаго устройства и управленія, состоитъ еще гораздо болѣе, чѣмъ всякое другое, изъ выраженій «*præ desideria*», формулированныхъ въ учебныхъ школахъ идеалистическихъ требованій. Краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ тому можетъ служить попытка, сдѣланная въ 306 г. г., во время фактическаго управленія дѣлами

1) Стр. 63.

Али-ибн-Исы, хотя быть может и безъ его прямого приказанія, поставить дѣйствіе полицейскихъ агентовъ въ Багдадѣ въ зависимость отъ рѣшеній законовѣдовъ.

«Въ этомъ году», читаемъ мы у Ибн-ал-Атира VIII, 83, «былъ смѣщенъ багдадскій префектъ Низаръ и на его мѣсто былъ назначенъ Нуджхат-Тулуни. Онъ назначилъ во всѣ кварталы законовѣдовъ, по фетвамъ которыхъ полицейскіе агенты должны были дѣйствовать. Вслѣдствіе этого ослабѣлъ авторитетъ власти, а разбойники и злодѣи воспріяли духомъ; умножились безпорядки, подвергались грабежу дома торговцевъ, срывались платья¹⁾ съ людей въ отдаленныхъ улицахъ и возросло число безчинствующихъ».

Арабскій историкъ, сообщая намъ объ этой замѣчательной попыткѣ, ничего отъ себя не прибавляетъ къ изложенію самого факта и не говоритъ даже, сколько времени продолжался своеобразный «правовый порядокъ» въ столицѣ халифата. Но мы можемъ смѣло сказать, что Али-ибн-Иса его долго терпѣть не могъ, ибо онъ, не смотря на всѣ свои собственныя знанія въ области *фихха* (законовѣднія) и все свое уваженіе къ этой у мусульманъ прямо припыкающей къ богословію наукѣ, былъ слишкомъ трезвый и осмотрительный государственный дѣятель, чтобы чрезмѣрно увлекаться идеалами и вѣроятно поспѣшилъ возстановить порядокъ.

Несомнѣнно, что похвалы, которыя арабскіе ученые обильно расточаютъ Али-ибн-Исѣ, въ нѣкоторой степени вызваны именно тѣмъ, что онъ такъ высоко держалъ знамя *фихха* (законовѣднія), самъ изучалъ его, равно какъ и другія богословскія науки, поддерживалъ ученыхъ и постоянно совѣщался съ ними. Но преувеличены эти похвалы едва ли не только въ одномъ отношеніи, именно по вопросу о его честности. Эта честность, выставляемая его поклонниками въ наисовершеннѣйшемъ блескѣ, уже по условіямъ времени должна быть понимаема нѣсколько условно, какъ мы весьма ясно, напр. видимъ изъ характернѣйшаго разсказа объ его ревизіи Египта, сохранившагося въ готаской рукописи и напечатаннаго бар. Кремеромъ въ текстѣ на стр. 79 и 80, прилож. VII. Этотъ разсказъ до того мѣтокъ и живъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь цѣликомъ и мы надѣемся, что читатели «Записокъ В. О.» не посѣтуютъ на насъ за это. Разсказъ относится къ 313 году, когда Али-ибн-Иса пріѣзжалъ въ Египетъ, для ревизіи податнаго дѣла. Намѣстникомъ Египта тогда былъ Абу-Ахмед-ал-Кархи, податнымъ инспекторомъ — къ нему собственно и должна была примѣняться ревизія — былъ Абу Али ал-

1) Я читаю ثيابъ съ двумя списками Ибн-ал-Атира и съ ал-Айніемъ.

Мадарай, полицейскимъ префектомъ — турецкій мамлюкъ Текинъ. Разсказъ ведется со словъ Абу-л-Хасан-ибн-Зафара, одного изъ чиновниковъ ал-Мадарай, и гласитъ съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями такъ:

«Я служилъ секретаремъ у Абу-Али ал-Мадарай, когда Али-ибн-Иса изъ Мекки прибылъ для ревизіи Египта и Сиріи. Въ столицу Египта онъ вѣзжалъ верхомъ на ослѣ и съ тайлесаномъ¹⁾ на головѣ. Текинъ, выѣхавъ ему на встрѣчу, слѣзъ съ лошади. Уваженіе къ нему и страхъ въ сердцахъ людей были велики. Онъ засѣдалъ и изучалъ дѣла. Разъ какъ-то онъ вышелъ прогуляться и вернулся. Входя изъ сѣней въ комнату, гдѣ мы, въ ожиданіи его, собрались, онъ крикнулъ: «разбойники, разбойники!» Мы всѣ перепугались, боясь, что онъ напалъ на какую-нибудь нашу продѣлку. Когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, онъ сказалъ: «господа! я сегодня прошелъ по Кару-нову мосту и опредѣлилъ, что для поддержанія его — это совсѣмъ обыкновенный мостъ — нужно въ годъ 15 динаровъ. Но я нашелъ, что чиновники отъ верховной власти по счетамъ требуютъ на него 60,000 динаровъ каждый годъ». Эти слова онъ повторялъ нѣсколько разъ, сопровождая ихъ восклицаніями удивленія и разными комментаріями. Абу-Али ал-Мадарай тутъ-же присутствовалъ, но молчалъ. Али-ибн-Иса тогда сказалъ: «ты слышишь мои слова и ты ничего не отвѣчаешь, о Абу-Али?» Тотъ всталъ молча и ушелъ. Али-ибн-Иса разсердился, закрылъ свою чернильницу и воскликнулъ: «Аллахъ да проклянетъ службу государеву, когда дѣло доходить до этого», всталъ и ушелъ къ себѣ. Мы всѣ разошлись, а я пошелъ къ ал-Мадарай, сильно озабоченный всѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ. Я нашелъ, что онъ только-что послалъ къ Али-ибн-Исѣ съ просьбою принять его въ аудіенціи безъ свидѣтелей. Отвѣтъ былъ благопріятный; онъ ушелъ и очень долго не приходилъ. Я ждалъ. Когда онъ вернулся, я его спросилъ о томъ, что происходило между ними, и онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

Я вошелъ къ нему и сказалъ ему: «я тебѣ не возражалъ не по невѣжливости, и не изъ неуваженія къ твоему слову. Я не желалъ признаться въ присутствіи столькихъ людей, чѣмъ я взялъ бы на себя отвѣтственность, которая на меня не падаетъ. И я вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ тебѣ сказать то, для изложенія чего я теперь пришелъ, ибо въ такомъ случаѣ ты оказался бы болѣе виноватымъ, чѣмъ я. Я такимъ образомъ молчалъ только изъ деликатности и чтобы пощадить тебя». Потомъ я сказалъ: «сколько я получаю жалованья?» Онъ сказалъ: «3000 динаровъ въ мѣсяцъ.» Я сказалъ: «могу-ли я, будучи амилемъ Египта, быть безъ секретарей, чи-

1) Отличительный головной уборъ кадіевъ и ученыхъ.

новниковъ, служителей? Могу-ли я жить безъ приличной обстановки, ничего не дарить, ничего не раздавать?» Онъ сказалъ: «нѣтъ». Я сказалъ: «неужели ты не знаешь, что у меня есть жены, дѣти, родные и близкіе, на которыхъ я долженъ производить расходы?» Онъ сказалъ: «знаю.» Я сказалъ: «развѣ не приходятъ ко мнѣ гонды съ письмами отъ тебя и подобныхъ тебѣ сановниковъ и не требуетъ ли приличіе, чтобы я ихъ принималъ гостепріимно и раздавалъ имъ подарки?» Онъ сказалъ: «обязательно!» Я сказалъ: «а этотъ злодѣй, который тутъ рядомъ со мной живетъ ¹⁾, и его евнухъ Фаикъ, у котораго ежедневно 80 блюдъ готовится, который всю власть въ своихъ рукахъ имѣетъ, развѣ я могу его держать въ должномъ повиновеніи и препятствовать ему совать свои руки въ податное дѣло безъ должныхъ подарковъ ему и его дѣтямъ и слугамъ и чиновникамъ, чтобы наши отношенія были хорошими?» Онъ сказалъ: «это неизбежно.» Я сказалъ: «а халифъ, а государыня ²⁾, а тетка, а начальница харема, а Мунисъ, а камергеръ Насръ, а ихъ чиновники и клевреты, развѣ я могу не подносить имъ подарковъ каждый годъ?» Онъ сказалъ: «это обычай, который должно соблюдать.» Я сказалъ: «а везири, когда они получаютъ какое нибудь назначеніе, развѣ въ ихъ дома приносятъ кто-нибудь что-нибудь раньше моего агента? А когда ихъ отставляютъ, развѣ кто нибудъ изъ нихъ уплачиваетъ что-нибудь изъ *мусадары* ранѣе, чѣмъ потребуеъ денегъ отъ моего агента? И вотъ ты самъ, да укрѣпить тебя Богъ, который есть наивоздержнѣйшій изъ везирей и вполнѣ несравненный, развѣ я не подносилъ тебѣ тогда-то и тогда-то и развѣ не уплачивалъ расходовъ твоей семьи и родныхъ столько-то и столько-то времени?» Онъ сказалъ: «ей Богу, я тебѣ благодаренъ за всё это.» Я сказалъ: «я не перечисляю всего этого, чтобы порисоваться предъ тобой, но только для того, чтобы показать, что по отношенію къ другимъ у меня есть такіе-же и еще большіе расходы. Возьми, далѣе, налоги, слѣдующіе казніѣ съ твоихъ земель въ Сиріи и Египтѣ, т. е. слишкомъ 10,000 динаровъ въ годъ, развѣ ты уплатилъ изъ нихъ хоть одинъ диргемъ?» Онъ сказалъ: «не помню.» Я сказалъ: «это большія деньги и я не уйду, не узнавъ, что случилось съ ними, получилъ-ли ты ихъ, или-же твои агенты тебя обманули? Въ послѣднемъ случаѣ я ихъ отъ нихъ отниму и возвращу казніѣ.» Онъ возобновилъ выраженіе своей благодарности. Тогда я сказалъ: «тѣмъ не менѣе на меня налагаютъ каждый годъ *мусадару* болѣе чѣмъ въ миллионъ диргемовъ. Изъ трехъ-ли тысячъ моего мѣсячнаго жалованья ты прикажешь мнѣ ее уплачивать?» Онъ сказалъ: «оставь это, о Абу Али, ибо большимъ

1) Полицейскій префектъ Текивъ.

2) Мать халифа.

людямъ власть прощаетъ и большія деньги.» Послѣ этого онъ уже ни еди-наго возраженія не дѣлалъ противъ нашего управленія».

Этотъ разсказъ не нуждается въ комментаріи и хотя онъ и исходитъ отъ лица изъ лагеря скорѣе враждебно къ Али-ибн-Исѣ настроеннаго, но его достовѣрность слишкомъ очевидна, чтобы быть заподозрѣнной. Али-ибн-Иса не былъ идеаломъ честности въ нашемъ смыслѣ слова; онъ безъ сомнѣнія пользовался въ довольно широкихъ размѣрахъ всѣми выгодами, которыя его высокое общественное положеніе по обычаямъ времени ему доставляло. Но это не вредило ему, ни въ глазахъ его современниковъ, ни во мнѣніи ихъ потомковъ. Для тѣхъ и для другихъ онъ былъ и остался идеаломъ благочестиваго и честнаго слуги своего государя, образцомъ достойнаго везира «общины Мухаммедовой», и лучшимъ, быть можетъ, доказательствомъ всеобщаго уваженія къ нему служить тотъ фактъ, который намъ сообщаетъ ал-Айни, что бундскіе полчища, когда они въ самый день смерти Али-ибн-Исы, вступивъ въ Багдадъ, грабили злополучную столицу, тщательно воздерживались трогать домъ его, говоря: «это — домъ честнаго везира».

Мы можемъ смѣло подписать этотъ приговоръ мусульманскаго общественнаго мнѣнія. Личность этого строгаго и усерднаго, справедливаго и гуманнаго, благочестиваго и мудраго государственнаго мужа можетъ и должна и намъ внушать тѣ-же глубокія симпатіи, то-же уваженіе, какія она внушаетъ мусульманскимъ историкамъ и бытописателямъ.

Въ заключеніе я приведу текстъ некролога Али-ибн-Исы изъ ал-Айніа, которымъ я мѣстами пользовался на предыдущихъ страницахъ.

الوزير⁽¹⁾ علی بن عیسی بن داود بن الجراح ابو الحسن الوزير البغدادی ولد سنة خمس واربعين ومائتين وكان جده داود من *دیرمن⁽²⁾ ضیعة بالعراق وكان ابوہ عیسی من وجوہ الكتاب واصولهم من الفرس وذكره الخطیب فقال كان عالما فاضلا عاقلا دینا عادلا صالحا عفیفا فی ولایتہ محمود الاثر فی وزارته حسن الطريقة فی سيرته كثير المعروف والبر وقراءة القرآن والصلاة والصيام محبا لاهل العلم وكان يقول کسبت سبعماية الف دينار او ثمانماية⁽³⁾ الف دينار اخرجت منها فی وجوہ البر سبعماية الف دينار وثمانین الفا⁽⁴⁾ وكان معروفا بالستر والامانة والصلاح والديانة قال ودخل عليه القاضي عمر بن

1) Рук. Азіатск. муз. № 170 (524^а) т. II, л. 12^б.

2) Sic. Тутъ очевидно скрывается имя собственное; *دیرمن* было бы самое близкое, но я этого имени не нахожу въ географ. ар. сочиненіяхъ.

3) Рук. ثمانية.

4) Въ цифрахъ тутъ путаница. См. ниже цитату изъ *عنوان السیر* и ср. Abu-l-Mahasin ed. Junybol, II, 313. Надо читать съ послѣднимъ авторомъ: *کسبت سبعماية الف دينار اخرجت منها فی وجوہ البر ستمائة وثمانین الفا*

ابى عمر وعليه ثوب استحسنة الوزير فادخل يده في شَقِّه وقال بكم اشتريت هذا الثوب فقال بتسعين دينارا فقال الوزير لكننى لم البس ثوبا قط يزيد ثمنه على ستة دنانير اوسبعة فقال له القاضى الوزير يجمل الثياب ونحن نتجمل بالثياب وفى تاريخ ابن كثير وكان ثقة ثبنا فاضلا عفيفا كثير التلاوة وسمع الكثير وروى عنه الطبرانى وغيره وكان من اكبر القائمين على الحلاج ويحكى ان عطارا من الكرخ كان مشهورا بالسنة ركه ستمائة دينار دينا فغلق دكانه وانكسر عن كسبه ولزم منزله و اقبل على العبادة و التضرع لىالى كثيرة فرأى رسول الله صلعم فى المنام فى بعض الليالى وهو يقول اقصد على بن عيسى الوزير فقد امرته لك باربعماية دينار فلما اصبح قصد باب الوزير وقال لبعض المجبة قل للوزير انى رجل رايت رسول الله صلعم فى المنام وانا اريد ان افصه على الوزير فقال (١٣١) له الحاجب وانت الرأى ان الوزير قد انفذ فى طلبك رسلا متعددة ثم دخل فما كان باسرع من ان ادخله^١ عليه فاقبل عليه الوزير يسأله عن اسمه وصنعتة ومنزله فذكر ذلك له فقال له الوزير انى رايت رسول الله صلعم وهو يامرني باعطائك اربعماية دينار فاصبحت لا ادري لمن اسأل عنك وقد ارسلت عدة من الرسل فى طلبك فجزاك الله خيرا فى قصدك اباى ثم امر باحضار الف دينار فقال هذه اربعماية لأمير رسول الله صلعم وستماية هبة من عندى فقال الرجل لا والله لا ازيد على ما امرنى به رسول الله صلعم فانى ارجو الخير والبركة فيه ثم اخذ منه اربعماية دينار فقال الوزير هذا هو الصدق واليقين فخرج الرجل فعرض على ارباب الديون اموالهم فقالوا نحن نصبر عليك ثلاث سنين وافتح بهذا الذهب دكانك ودم على كسبك فابى الا ان يعطهم من اموالهم الثلث فدفع اليهم مائى دينار وفتح الدكان بالمائتين الاخرى فما حال الحال حتى كسب الف دينار وفى عنوان السير تقلد الوزارة للمقتدر بالله على نوبتين احداها فى محرم سنة احدى وثلاثماية وبقي فيها اربع سنين غير شهر واحد والاخرى فى صفر سنة خمس عشر وثلاثماية وبقي فيها سنة واربعة اشهر ويومين وساس الدنيا السياسة التى عبرت البلاد وكان مستغلا^٢ ضياعه فى السنة سبعماية الف دينار يخرج منها فى وجوه البر ستمائة الف دينار وستين الف دينار ويبقى اربعين الف دينار على خاصته وكانت غلته عند عطلته ولزوم بيته تيفا وغنائين الف دينار يخرج منها فى وجوه البر تيفا واربعين الف دينار ويبقى الباقي على نفسه وقال الصولى وما اعلم اننى خاطبت واحدا اعلم منه بالشعر وكان يوقع بيده على جميع ما يحتاج اليه ما

١) رُك. ادخلنى.

٢) رُك. يستغل.

يوقّع فيه اصحاب الدواوين في وزارة من كان قبله وكان يحضر مائدته وهو في ديوان المغرب جماعة من اهل العلم ومن شعره في نكبته

ومن بك عنّى سايلا لشماتة * ليا نابنى او شامنا غير سائل
فقد ابرزت منى الخطوب ابن حرة * صبورا على احوال تلك الزلازل
اذا سر لم يبطر و ليس لنكبة * اذا عرضت بالخاشع التضائل
ولما حبس كان يتوصّأ ويلبس ويقوم يخرج لصلوة الجمعة فيرد الموكلون فيرفع يديه الى السماء ويقول اللهم اشهد واعتقل شهرا ثم نفى الى مكة والى اليمن و مصر ووزر بعد ذلك واحتاج الى المشى في اسفاره فجعل يتمثل

قد علمت اخوتنا كلاب * انا على دقّتنا صلاب

وكان الديلم لما دخلوا بغداد اذا صاروا الى محلّته تجنّبوها وقالوا ههنا دار الوزير الصالح وكانت داره على دجلة وهى المعروفة بالسنى و احتاجت مستاتها الى مرمّة ففدّر الصنّاع لها ثلاثة آلاف دينار فلما حضرت الدنانير قال تصدّقوا بها فالصدقة اولى فليس اليوم على دجلة مستاة بين دار الملكة وبين الدار المعزّية غيرها و نزل يوما الى طيّارة فاجتمع عليه قوم يسألونه توقيعا فقال حتى ارجع و اوقع ثم قال ومن لى فانى ارجع ووقع لهم قائما ثم قال قدوتى فى هذا عمر بن عبد العزيز رضى فانه وقف على متظلّم واطال الوقوف وقال ان الخير سريع الزهاب وخشيت ان افوته بنفسى وكان يحمرى على خمسة واربعين الف انسان جرايات تكفيهم وخدم السلطان سبعين سنة لم يزل فيها نعمة احد واحصى له فى ايام وزارته نيف وثلاثون الف توقيع من الكلام السديد ولم يقتل احدا ولم يسع فى دمه بقيت عليه نعمته وعلى ولده (١٣^١ .) بعد ان استحدث المدير مرارا فدفع الله عنه واهلك ظالمه ولم يهنك له حرمة مع كثرة نكباته وكان نقش خاتمه لله صنع خفى فى كلّ امر يجافى ومات فى اخر يوم من ذى الحجة سنة خمس وثلثين وثلاث مائة وعمره تسع وثمانون سنة ونصف وجمّ يوما واحدا وفى المرأة وقبل مات فى سنة اربع وثلثين وثلثمائة مات هو والشبلى فى يوم واحد اسند الحديث عن خلق كثير وسمع شيوخ الشام بدمشق فى سنة ثلث عشرة وثلثمائة وقدم الشام مرتين ومن رواياته عن ابن عباس ما رايت قوما خيرا من اصحاب رسول الله صلعم ما سألو الا بضع عشرة مسألة كلّهن فى القرآن يسئلونك عن الشهر الحرام يسئلونك عن الخير والميسر ويسئلونك عن اليتامى ويسئلونك عن المحيض ماكانوا يسئلون الا عتّا

ينفعهم

Посвятивъ такъ много мѣста двумъ финансовымъ мемуарамъ бар. Кремера, мы ограничимся нѣсколькими словами о третьей монографіи, посвященной поэту-философу—Абу-л-Ала-ал-Ма'аррию. Мы желали бы только обратить вниманіе читателей «Записокъ В. О.» на эту талантливую характеристику одного изъ тѣхъ крупныхъ представителей лучшаго времени мусульманской цивилизаціи, о которыхъ мы имѣли случай говорить вскользь по поводу Баруніевой Индіи ¹⁾. Современникъ ал-Бирунія, Абу-л-Ала по самостоятельности мысли, по независимости убѣжденій, по подвижнической жизни едва-ли уступаетъ великому хивинскому астроному. Его умственный горизонтъ былъ, понятно, нѣсколько уже, ибо онъ не проникалъ во всѣ тайны тогдашней науки, но зато онъ всю свою долгую страдальческую жизнь провелъ въ глубокихъ думкахъ о высшихъ вопросахъ человѣческаго бытія. Результатомъ этихъ думъ у него является глубокопессимистическій взглядъ на жизнь и человѣчество ²⁾, скорбь и отчаяніе по поводу суеты земной. Параллель между Абу-л-Ала, человѣкомъ чисто арабской крови, и персидскимъ поэтомъ-скептикомъ, Омаръ-Хайямомъ, представляла бы большой интересъ, и очень жаль, что она не входила въ программу бар. Кремера, блестящій этюдъ котораго впрочемъ и безъ этой параллели заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія всякаго историка.

В. Р.

100. Otto Böhtlingk. Sanskrit Wörterbuch in kürzerer Fassung. Siebenter Theil. Zweite Lieferung. St. Petersburg 1889. II+ pp. 161—390. 4°.

Лежащій передъ нами второй выпускъ седьмой части сокращеннаго санскритскаго словаря заканчиваетъ собою трудъ, начатый десять лѣтъ тому назадъ: въ 1875 г. оконченъ былъ большой санскритскій словарь, извѣстный подъ названіемъ Петербургскаго и издававшійся 20 лѣтъ; четыре года спустя, въ 1879 г., неутомимый главный издатель Большаго словаря, академикъ Бётлингкъ, предпринялъ новое изданіе — санскритскій словарь въ сокращенной формѣ: цитаты столь значительно увеличившіе объемъ Большаго словаря были выпущены, но слова были всѣ сохранены и къ

1) См. Записки В. О. III, 152 и 159—60.

2) Самое крайнее выраженіе этого пессимизма быть можетъ представляютъ слѣдующіе стихи, цитованные на стр. 43 отд. оттиска: «Когда я размышляю, то возмущаетъ мою душу только то, что я порицаю своего родителя: моихъ дѣтей я отъ этого спасъ, ибо они наслаждаются блаженствомъ небытія, которое больше наслажденій земныхъ». — Абу-л-Ала никогда не имѣлъ дѣтей; онъ считалъ самымъ тяжкимъ грѣхомъ способствовать продолженію рода человѣческаго и тѣмъ самымъ продолженію его страданій.